

Автор Владимир БОРДЮГОВ

Из кучевых нависших облаков
Стрела, отпущенная солнца тетивою,
Отрикошетила от старых куполов
Дорожкой зыбкою над дремлющей рекою.

И этот блик в вечерней тишине,
На удивленье трепетный и дерзкий,
Играл так` ярко, словно по волне
Всё плыл в моё немеркнувшее детство.

Снежинка

Она легла небрежно на ладонь
Неповторимой тайною симметрий.
Ах, знать бы ей: ладонь моя — огонь —
Не в силах оценить подарок щедрый.

Растаяла и капелькой сползла.
Прилёт её был странен и случаен.
И истину простую приняла:
Влечёт нас к тем, кто нас не замечает...

Не знаю, что сказать в разлучный час.
Рука твоя отдёрнулась пугливо,
Так, словно огонёк в углях угас,
Лишь дым дрожит в бессилии стыдливом.

Не мни, не жги вчерашнее «люблю»,
Пусть между строк сухим листом теснится.
Пусть этот лист, увы, не оживлю —
Так хоть узор прекрасный сохранится...

Расшибала

Я в детстве был богат до неприличья.
Карман свисал от тяжести свинца
Пузатой биты, ножика отца,
И прочей драгоценнейшей добычи.

В кармане жил в скобу согнутый гвоздь,
Резинка для стрельбы из самострела,
Монеток медь, в фольге кусочек мела,
И семечек поджаренная горсть.

Двор криками будил нас поутру,
Не за чиру — в казну летела бита,
И в расшибалы двушники побиты
Не лезли в автоматную дыру.

Ножам рисовали города
И брали их, вгоняя в землю финку...
В кармане гвоздь всё шире делал дырку,
Не видя, по началу, в том вреда.

Потеря мелочи не так уж и страшна,
Списало время мне её за малолетство...
Но через дырку выскользнуло детство,
А вместе с ним и «царская» казна...

Соловей

В лесу дремучем песен не ищи:
Они скупы на чувственные ноты.
Сова да филин от дневной дремоты,
Прикрыв глаза, купаются в тиши.

Но вот — опушка, роща, леса край,
Где солнцем освящённые деревья,
Где птицам уготованы кочевья,
И всем довольно места — выбирай!

Здесь нет балконов, бельэтажных лож,
Амфитеатра... есть одно лишь — сцена,
Где сыплет соловей свои колена,
А в страсти он до трепета хорош!

По нотам он взлетает до вершин,—
Таких, что недоступны и поэтам...
Да что я всё — про то тебе, про это!
Ты в рощу сам иди... и слушай... и пиши...

Птенцы

Узкая тропинка, а над ней высо`ко
Смотрит из зенита солнечное око.
«Подь-полоть» — разносит голос перепёлки.
Ветер обнимают сосенки да ёлки...

В хлопотах снуются птиц залётных стаи,
Уготовив гнёзда для свершенья тайнств.
Утопает речка в жёлтой цвети хвойных,
И качает солнце в волнах беспокойных.

Вскормлены из клювов, немощны от роду,
Вылупки вбирают истую свободу,
Торопя мгновенье, взмахом крыльев скорых,
Глядь, летят беспечно, радуясь восходу...

Жить просто на земле

Жить просто на земле — люби, работай,
Твори, коль Богом дан тебе талант,
Ищи стрелу по гниlostным болотам,
В земле бесплодной — драгоценный клад.

А вспомнит ли тебя иль позабудет
Умнейший друг иль форменный дурак?...
Куда важней, когда тебя не все
Помянет добрым словом злейший враг.

Без ответа

Любовь, влюблённость... Это — тайна!
Мир разорвавшихся планет,
И неба горизонт бескрайний,
Шагнувший к солнцу первоцвет,
И посвист ласточки весенний,
И громы среди бела дняМы объясняем, отстраня
Попытки вялые сомнений.
Но как понять, что есть за гранью,
Кто б чудо разъяснить мне мог:
Когда от близкого дыханья
Земля уходит из-под ног?

Начало дня

День не спешил. Он, как извозчик,
Пред тем, как лошадь в путь запрячь,
Чесал загривок сонной рощи,
И лишь потом — пуститься вскачь.

Лучом, пока не жёсткой щёткой,
Прошёлся по бокам берёз,
Ещё не согревая, робко
Нащупывал у речки плёс.

Он плыл, затягиваясь утром,
Качая лодки вдоль реки,
И, низко кланяясь кому-то,
Шептались злаков колоски...

Морозное

Зима морозным тягостным оброком
Берёт своё безжалостно, сполна.
Трещит сухим заледеневшим соком
Сучкастая корявая сосна.

И слепнут окна в снеговой завесе,
Из труб до неба тянется дымок,
А в поздний вечер мутный полумесяц
Как никогда бывает одинок.

И след вороний незамысловато
Крестит` верхи сугробных городищ,
И розовеет в таинстве заката
Кокошник обелённых снегом крыш...

Старая товарка

Лежат на жамканной газете
И пугачи и кумачи,
Битлы в пожёванной кассете,
Что вряд ли снова зазвучит.

Лежит монет зелёных горка,
Значков потёртых длинный ряд,
Два объектива, фотик «Зоркий»,
И кепка с парочкой котят.

Всё — за бесценок, кот — в придачу,
Товарка старая ворчит:
Ей пять минут до ветхой дачи,
Где кошка тени сторожит.

А тени — всё, что ей осталось,—
В седой мелькают голове.
Ох, не давила б только старость
Да новый вороватый век.

Она не упрекает время,
Её товар — остаток дней,
А что торгует, то — не бремя:
Ей в тягость жизнь среди теней...

Старый бард.

На сцену восходишь... как римский правитель...
и, взяв пять аккордов... хватаешь за горло...
Дрожащие пальцы... дрожащие руки...
ломается голос... хрипящие звуки...

Синкопой зависший... секундой звенящий...
минором зовущий и септой летящий...
пронзающий словом... наполненный смыслом...
поэзией... рифмой... слезой... скандализмом...

Смолкаешь... и пальцы вновь делают дело...
по струнам... по грифу... по сердцу... по нерву...
И заново — голос... и ты — оживаешь...
ты снова живёшь и ты вновь — умираешь...

Домино

На четверых, так крепко скроенный,
Чтоб не дрожал при слове «рыба!»,
Под карты, домино «заточенный»,—
Стоял стол местного пошиба.

Над ним в дыму от беломорины,
Как в руки палки эстафетные,
За ходом вслед и матом сдобрены,
Слова слетают не газетные.

Серьёзно, не спеша и взвешенно,
Костяшку медленно с ладони
Берёт сосед и сверху бешено
Об стол её, как нагель, вгонит!

Одиннадцать. Пора, не мешкая,
Послать гонца в ликёро-водочный...
Струится дыма нитка едкая,
И достаётся ножик пробочный...

На голове у них шапчоночки
Из «Правды», сложенные домиком.
И водка наполняет стопочки
Мужицкой «радости» за столиком...

Истоки

С камнем столкнувшись, телега усталая
Скрипнет обиженно, яме — поклонится,
С ветки ворона срывается, каркая,—
Кто разъезжает по дальним околицам?

Валко качает в телеге, устеленной
Сеном, пропитанным запахом клевера,
Пасечным мёдом, ромашкою меленькой,
Да разномастием сорного плевела.

Старой коняке ты путь не указывай —
Чует дорогу с глазами закрытыми —
Мимо дубков, мимо рощицы вязовой,
Тишь перелесков пугая копытами.

Тянется путь колеёю наезженной,
Мне — незнакомой, но словно здесь вырос я,
Словно поутру вдохнул ветра свежего,
Тихого счастья у Боженьки выпросил.

Сон ли, реальность, мечта незабытая —
Вновь ощутить, что уже не исполнится?
Той же дорогой, избитой копытами,
К брянским истокам увозит бессонница...

Горькое ощущение

Когда беда — хочу я света,
Но беды ночью входят в дом,
Когда все радужные цве`ты
Сокрыты помутневшим льдом.

Вино бывает хуже зелья,
И днём становится черно,
Когда ни горя, ни веселья,
Лишь ощущение: всё равно...

Улетающие дни

Я дни не считаю: летят себе вольно,
Спешат, торопливо сбиваясь в года.
Они, словно реки, что льются безмолвно,
Бегут, чтобы кануть в морях навсегда.

Но кто-то же выдумал строить плотины...
Жаль, годы — не реки, и нет им преград,
И разве удержишь косяк лебединый,
Что саваном белым летит на закат?

О языках

Я разных языков слышал немало,
Богат палитрой разнозвучный ряд!
Но лишь в лесу во мне всё замирало...
Как` птичьим писком дупла говорят!

Быстротечность

Зол
Апрельский ночной мороз.
Дрозд
Ветку к ветке вплетает в гнездо.
Вздор,
Что поздний нечаянный снег
Бег
Замедляет шальной весны.

Сны
Об июньских мечтах и тепле.
След,
Затерявшийся в росной траве.
Цвет
Изукрашенных в кровь рябин.
Клин,
Несущий лето за горизонт.

Жжёт
Промозглый ночной мороз.
Вмёрз
Проржавевший кленовый лист.
Чист

Белотканый скрипучий снег.
Побег
Спит под звуки метельных
Виол...

Приход весны

Ещё не затрещали реки
От напряженья мутных льдов,
Ещё ночной мороз некрепкий
Оттягивает сход снегов.

На небе окна слюдяные
Светлей и шире с каждым днём,
Но трубы чёрные избные
Коптят усталым февралём.

Хоть пятится зима по-рачьи,
Не скрыть ей запахов весны
И глаз прищуренных кошачьих,
Что так по-мартовски грешны.

Июльское утро

Солнце разводит лучами листву,
Пятятся ствольные тени.
Птицы разносят об утре молву,
Хором запев без вступлений.

Утро вот-вот зажужжит комаром,
Скинет тяжёлые росы,
Твёрдыми шляпками встанет над мхом
Красноголовиков россыпь.

Крылья сложив, приставучий слепень
В свежую паданку впился —
В зрелую мякоть... Надкушенный день
Соком прозрачным разлился.

Кувшин

Кто-то старый кувшин
положил у подножия гор,
И шипящий поток
его бережно обнял за плечи,
И, застряв меж камнями,
покорно приняв приговор,
Обожжённую глиной
не мог он потоку перечить.

Через рану в него
попадала, кипела вода,
Через горло пошла,
изливаясь струёй водопада.

Он дышал полной грудью,
стоял, как в дозоре солдат,
Как хранитель ручья
ледяного предгорного града.

И текла из него
голубая живая вода,
Холодила его
загрубелые тёмные губы,
Он подвальные
кислые ви`на забыл навсегда,
И смотрел на орлов,
слушал гор отдалённые трубы...

Беглянка

Как много лиц, вошедших в память нашу.
А сколько тех, кто помнит нас добром?
Любимые, я память изукрашу
Невыводимым выжженным тавром.

Желанные, открытые, любые —
Те, без которых день бывал не мил,
Ушли, лишь телефоны «неживые»,
Как чипы, помнят всё, что в них вложил.

Жизнь на излёте... Время — снегопадно,
Безносая вострит свою косу...
Чем ближе к январю, — желанье жадно —
Найти беглянку в стынущем лесу —

Единственную, милую, из скромниц,
Чей след найдя, не потерять бы впредь...
Неужто, чтобы о себе напомнить,
Мне непременно надо умереть...

Перепел

По полю, по полю, по скошенной ржи,
Плывёт тишина и под ветром дрожит.
Вдруг — перепел ввысь из-под самой ноги,
Пугаясь, пугая, взлетает с межи.

Мгновеньем отстав от дыхания ветра,
Качает ромашки и травы планета.
И тишь разрезая в молчании рос,
Мелькает без устали стайка стрекоз.

Мне здесь бы родиться в стогу под Луною,
Где небо играет закатной волною.
Глаза лишь закрою, и кажется мне,
Казак пролетает на чёрном коне.

В расстёгнутой красной просторной рубахе,
В пропитанной потом и пылью папахе,
Пришпорит коня, звонко щёлкая плетью,
Играя беспечно с удачей и смертью.

Промчался, как не был, лишь пыль полосую
Летит, не спускаясь, над узкой тропой.
Открою глаза, а на скошенной ржи
Вновь перепел сел у соседней межи...